

выдвинутое расколом, в частности и Аввакумом, обвинение всей государственной церкви, патриархов и самих царей в еретичестве было понято руководителями государства в плане политическом и, по существу, привело участников движения к необходимости прямого выбора: либо полного подчинения церковной и царской власти, либо полного разрыва с ней.

Политические оценки раскола еще более развиваются в печатных сочинениях патриарха Иоакима и архиепископа Афанасия Холмогорского. Патриарх Иоаким в своем «Слове на Никиту Пустосвята» не вступал с раскольниками ни в обрядовые, ни в догматические споры. Для него гораздо важнее было подвергнуть разоблачению и критике политический характер их деятельности. Поэтому в его писаниях и характеристика «невежд», посягнувших на прерогативы господствующей церкви, становится еще более определенной, чем раньше. По словам Иоакима, «раскольники» прежде всего «в безумных своих письмах укоряют и безчестят, во-первых, благочестивых наших царей, блаженных памяти ... Алексея Михайловича и сына его ... Феодора, такжеже преждних святейших Никона, Иоасафа, Питирима патриархов ... и ныне нашу мерность (т. е. самого Иоакима, — А. Р.), и всех архиереев ... и называют всех еретиками, яко не нам точию противятся, но самому богу».¹²⁸ Для Иоакима, как и для других князей церкви, проблема раскола была в первую очередь связана с проблемой сохранения своей власти. Существенно было то, что раскольники «уже в церкви хотят чины уставляти, им же не вверится правление, управляти тщатся и поносят и нас укоряют».¹²⁹ Если же «простолюдин, сиречь, простой человек», как писал Иоаким, укоряет священника — «да естъ анафема», «невеждам» нельзя «чинов и указов ... уставлявати».¹³⁰ Создавшееся в государстве положение Иоаким признавал серьезным. При этом он различал интересы государственной власти и церкви, с одной стороны, и интересы движения раскола, с другой: «А се уже яко бы в нашей церкви и в великом государстве несть начальника, что из лесу и ис кустов приходяще враги божи, не имуще чем кормитися ... беззаконию и от церкви отступлению учат».¹³¹

Если во время собора 1666—1667 гг. речь шла о недопущении «невежд» к толкованию реформ Никона и богословских проблем вообще, то теперь, в 1682 г., руководителям государственной церкви приходилось принимать суровые меры против стремлений раскольников вмешаться в дела церковной администрации и политики. Афанасий Холмогорский старался доказать незаконность этих претензий раскольников. «Почто всуе мятетеся, — писал он в «Увете духовном», — почто, о, злии, беснуетесе, почто прельщаете народ? Несть ваше разумение сие, несть ваше во святей церкви чины уставляти, яко в сие не призываетеся. Почто хошет кто воеводство учинен в воех?».¹³² Стараясь отстаивать нерушимость сословных принципов феодально-крепостнического общества, Афанасий опирался на авторитет легендарного апостола Павла, поскольку в эту эпоху в России библейские тексты все еще сохраняли «силу закона».¹³³ Он отметал попытки раскольников «чины уставляти» и писал: «Довольно убо всякому и в своем звании пребыти, по святому апостолу, в нем же кто призван бысть, в том

¹²⁸ Иоаким, патриарх Московский. Слово на Никиту Пустосвята. Пространная редакция. М., 1682, июль, лл. 5 об.—6.

¹²⁹ Там же, л. 24 об.

¹³⁰ Там же, лл. 24 об., 29 об.

¹³¹ Там же, лл. 29 об.—30.

¹³² Увет духовный, л. 246 об.

¹³³ Ф. Энгельс, стр. 360.